

УДК 323.2(47)

**РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННОГО ФАКТОРА
В ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА****А.Н. ГАЙШУН***(Белорусский государственный экономический университет)*

Анализируется роль средств массовой информации в трансформации политического сознания советского общества в переломный период истории СССР – в 80-х годах XX века. Описывается технология реализации «молекулярной теории» Поремского, ставшей основой информационной войны против стран Варшавского Договора. Отмечается, что средства информационной борьбы и сейчас являются основными для дестабилизации социума в конкретной стране.

Ключевые слова: трансформация политического сознания; информационная война; «молекулярная теория»; экстремизм.

Анализ сложных, противоречивых процессов, протекавших в СССР во второй половине 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия, является актуальной задачей для современных историков и политологов.

Как заметил профессор О.Г. Буховец, системный кризис «реального социализма», быстро переросший затем в коллапс, застал социальную науку «второго мира», можно сказать врасплох [2, с. 533–534]. Самостоятельная стратегия познания политического, экономического, социального, духовно-ментального транзита научным миром стран бывшего социалистического лагеря и по сей день не выработана. В результате происходит научное «импортзамещение», т.е. заимствование зарубежных, главным образом, западных, теоретических моделей восприятия и интерпретации исторического развития.

Наиболее актуальным и проблемным является вопрос о причинах распада Союза Советских Социалистических Республик. Большинство современных исследователей склонны полагать, что крах советского строя был вызван серьезными просчетами, допущенными командой Горбачева при разработке и проведении политики перестройки [5, с. 487]. Не было конкретной, научно обоснованной программы обновления советского общества, в результате чего происходила подмена социалистических принципов капиталистическими, безусловно, при мощной поддержке сформированного агитпропа, который был ориентирован на дискредитацию советского строя и культурного наследия СССР.

Проблемы в экономике страны, война в Афганистане, реализация государствами-конкурентами программы внешнеэкономического подавления, «холодная война» – все это крайне негативно сказалось на внутреннем состоянии Советского Союза.

На взгляд О.Г. Буховца, трансформация советского общества стимулировалась и массовизацией критических и негативистских установок и стереотипов в отношении институтов и персоналий власти, «геронтократии». «Информационные окна», появившиеся в условиях разрядки, позволили советским людям бросить взгляд за так называемый «железный занавес» и демонстрационный эффект от этого усилился именно в 80-е годы XX века [2, с. 539].

Одну из главных ролей в изменении политического сознания советского общества сыграл именно информационный фактор.

К середине 80-х годов прошлого столетия связь Коммунистической партии Советского Союза с рабочими и сельскими тружениками значительно ослабла. После прихода к власти Михаила Горбачева она становилась все более формальной и односторонней. Особо отметим – гораздо слабее от масс к партии.

На политические настроения в советском обществе в период перестройки сильно влияли средства массовой информации: телевидение и радио, газеты и так называемые «толстые» журналы. В СМИ работали в большинстве своем представители той части советской интеллигенции, которая весьма критично относилась к советскому строю. И именно эта прослойка общества в 1987–1991 годах оказалась на главной сцене политической жизни. Несколько лет «гласности» – и политическое поведение населения СССР во многом стало зависеть от позиции СМИ.

То, что главный акцент в сложном внутривнутриполитическом противостоянии делался на борьбу за умы интеллигентского сословия (или «прослойки») вполне объяснимо. Предшествующие революционные потрясения в России первой четверти XX столетия во многом были подготовлены – теоретически и практически – именно представителями интеллигенции. Политико-идеологическое наследие предреволюционных и революционных лет оказалось востребованным и в эпоху перестройки. «Вехи», «Интеллигенция в России», «Из глубины», «Смена вех» – эти сборники трудов известных российских философов и историков обрели вторую жизнь и были весьма популярны в обществе.

«В распространенном стремлении успокаиваться на дешевой мысли, что «виновато начальство», сказывается оскорбительная рабья психология, чуждая сознания личной ответственности и привыкшая свое благо и зло приписывать всегда милости или гневу посторонней, внешней силы...» [7, с. 154]. Мысль эта стала побудительной для многих советских интеллигентов в смутное время. Особенно в 1989–1991 годах. Вот только настроениями этими умело манипулировали тогдашние политтехнологи.

Думается, есть смысл обратить внимание на такой феномен советской истории, как диссидентство. Тема эта и по сей день мало изучена историками и политологами, несмотря на ее сохраняющуюся актуальность.

Итак, «диссиденты – лица, отступающие от учения господствующей церкви». Это классическое определение. Сейчас же чаще встречается другое: «диссиденты – название участников движения против тоталитарного режима в СССР с конца 50-х годов XX столетия».

Как известно, диссидентское движение состояло из правозащитных, национально-освободительных и религиозных течений. Их деятельность активно поддерживалась зарубежными эмигрантскими центрами: Антибольшевистским блоком народов, Народно-трудовым союзом и другими.

Впрочем, влияние собственно диссидентов на широкие массы населения СССР в 1960–1970 годах было незначительным. А вот начиная с середины 80-х годов оно становится все более существенным.

В трансформации политического сознания советского общества бывшие диссиденты сыграли свою роль, активно прививая ему псевдолиберальные ценности через контролируемые средства массовой информации.

Поэтому, на наш взгляд, одним из главных дестабилизирующих социально-политическую обстановку в СССР факторов в переломный период его истории были организации «молекулярного» типа. Борьба любому государству с ними особенно сложно. Об этом свидетельствует и опыт других стран так называемого «социалистического лагеря». (Собственно, в СССР высшее политическое руководство в 1985–1991 годах к этому и не стремилось).

Создателем «молекулярной теории» является главный идеолог Народно-трудового союза Владимир Поремский. Рассмотрим главные составляющие его востребованной в те времена концепции.

Если эффективность организации равна произведению трех факторов – структуры, единства идей и единства действий, то эту самую эффективность можно получить, если уменьшить первый фактор и увеличить последние два. Созданная организация «молекулярного» типа становится неуязвимой из-за сведения к минимуму структуры внутри страны-противника. Структура, организация, как известно, всегда находятся под пристальным вниманием правоохранительных органов. Когда же нет осязаемой структуры, а есть только некий центр за пределами страны, который направляет людям-«молекулам», жителям этой страны, одностороннюю безадресную информацию, чтобы усилить единство их взглядов и индивидуальных действий, то сопротивление государству становится невидимым.

При размытой или вообще отсутствующей организации противников власти есть единство взглядов, настроений, способных в определенное время вызвать активные протестные действия людей-«молекул». Сами же «молекулы» между собой тоже жестко не связаны, а сигнализируют другим людям-«молекулам» о своем существовании безадресно, то есть распространяя листовки, подпольную литературу, рисуя символы, делая надписи в публичных местах.

Усиление единства идей – это широкое распространение простых и одновременно стандартных ответов на вопросы «против чего» и «за что» бороться.

Единство действий предусматривало самообразование, общение в группах, продвижение на выгодные в будущем властные позиции.

Главный вывод Поремского: насыщение страны-противника «молекулами» изменяет психологический климат в обществе, вселяет веру в собственные силы, подтачивает могущество власти. Таким образом, создаются условия, при которых взрывные ситуации станут возможными даже при очень небольших общественных толчках. Таковыми, например, могут быть забастовки, демонстрации, митинги.

Насколько эффективна разработанная Поремским технология отчетливо видно на примере позднего СССР. Вначале «пропагандистский поток» наполняли зарубежные радиостанции, самиздат, а потом – свои же СМИ.

Заметим, что в советском обществе было немало людей, не соглашавшихся с политикой Коммунистической партии Советского Союза и правительства по тем или иным вопросам внутренней и внешнеполитической жизни СССР. Но диссидентами или «людьми-молекулами» они не были. Угрозу советскому строю несли не убеждения, мнения или оценки, а конкретные действия, в данном случае информационные провокации.

По замечанию известного российского социолога Сергея Кара-Мурзы, диссиденты сыграли роль еретика в монастыре – еретика, который даже не утверждал, что Бога нет, и не предлагал иной картины мира, он лишь предлагал обсудить вопрос «А есть ли Бог?».

Конечно, рационализация советской идеологии и сокращение в ней идеократического компонента назрели – иным стал уровень и тип образования, утрачена память о бедствиях, которые легитимировали тотальную сплоченность. Поэтому инициатива диссидентов была, в общем, благожелательно воспринята даже в совершенно лояльных к советскому строю кругах интеллигенции [3, с. 236].

В результате, к 1991 году диссидентская идеология присутствовала в сознании практически всей интеллигенции, но более всего – в умах партийно-государственной элиты, воспринявшей к тому времени и особенные представления о западном марксизме.

Менялось сознание всего советского народа, о чем свидетельствуют и «письма во власть» [6, с. 265].

В результате информационной войны главная идеологическая опора СССР, собранная из таких идей, как справедливость, братство народов, равенство, необходимость выстоять в жесткой конкурентной борьбе с Западом, была разрушена.

В общественное сознание с использованием пропагандистских технологий были внедрены политические представления и установки, которые позволили демонтировать советский строй. Например, мондиалистская концепция – все нации должны быть унифицированы под властью мирового правительства.

Демократия, право частной собственности, свобода – эти категории были объектом политических спекуляций, которые воздействовали и на экономическую сферу. Вот один из наиболее ярких примеров. В августе 1986 года Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев предоставил государственным предприятиям право на непосредственную внешнеэкономическую деятельность, а на практике это превратилось в вывоз капиталов за границу. В октябре того же года узаконили определенный тип «производственного кооператива», то есть прикрытую форму существования частных предприятий. Чуть позже высшее руководство СССР объявило о дополнительном расширении масштабов частной хозяйственной активности.

Все было бы хорошо с точки зрения развития рыночных отношений, формирования «социализма с человеческим лицом», если бы не главный, реальный результат проводимых тогда экономических реформ – дельцы «теневой экономики» в СССР получили возможность легализоваться.

Разрешение на право экономической деятельности за рубежом привело к тому, что приближенные к власти граждане вывели за границу трудно поддающееся подсчету количество североамериканских долларов свежеприватизированного капитала. Появившиеся кооперативы в большинстве своем стали узаконенным средством ограбления государственных предприятий (причем, по замечанию Р. Кирана и Т. Кенни, как на «входе», так и на «выходе» их деятельности). Закон же об упорядочении индивидуальной, так называемой частно-хозяйственной деятельности способствовал прикрытию и фактическому поощрению «теневой» экономики, а не поддержке существующих на законных основаниях мелких предприятий [4, с. 122–123].

Таким образом, в советском обществе значительно укрепился причудливый буржуазный слой, который стал проявлять все большую политическую активность. Причудливый потому, что имел криминальную окраску.

Еще одно очень важное обстоятельство – в 1986–1991 годах во многих республиках СССР стали проявляться признаки национализма, который очень часто переходил в экстремизм.

Заметим, что экстремизм порождает, главным образом, следующие причины: экономические кризисы, которые приводят к резкому падению жизненного уровня большей части населения; деформации политических институтов, их хроническая неспособность решать назревшие вопросы общественного развития; тоталитарный характер режимов; национальный гнет; стремление социальных или политических групп ускорить осуществление выдвигаемых ими задач, политические амбиции лидеров. Исторический опыт показывает, что социальной базой экстремистов являются мелкобуржуазные и маргинальные слои населения, а также часть интеллигенции, отдельные группы военных, студенчества, националистические и религиозные движения, разочаровавшиеся в существующих порядках в стране. Фашизм, особенно германский опыт, и есть крайняя форма политического экстремизма. Следует подчеркнуть, что экстремизм отрицает любой компромисс, в основе всего – желание любыми методами и средствами утвердить свою систему политических, идеологических или религиозных взглядов.

В период поздней перестройки в СССР быстро нарастали проявления политического экстремизма, особенно в межнациональных отношениях. Этому прямо способствовала шовинистическая пропаганда, призывы к насилию и изгнанию «иностранцев». Рядом же всегда стояло этническое мессианство. Казахстан, Нагорно-Карабахская автономная область, прибалтийские республики, Молдавия, Грузия, Узбекистан, Азербайджан – в годы перестройки (с 1986) здесь полыхали социальные конфликты, часто порожденные экстремизмом, который провоцировали в том числе и средства массовой информации, утратившие социальную ответственность.

В конфликтах, возникающих в результате нерешенного национального вопроса, отчетливо проявляется недоверие и вражда в условиях стремлений различных народов или небольших этносов к самостоятельности, равноправию и собственной государственности. Очень часто конфликт проявляется и в

сфере конфессиональных отношений, вызывая к жизни религиозную неприязнь, вражду, военные столкновения.

В период распада СССР эти явления также дестабилизировали внутривнутриполитическую обстановку.

Заключение. Распад Союза Советских Социалистических Республик стал геополитической катастрофой конца XX столетия. Бывшие советские республики и сегодня находятся в поисках новой опоры. Часть из них стремится в ЕС (для прибалтийских республик это свершившийся факт), другие пытаются стать ближайшими союзниками США или Китая. Россия, Казахстан, Беларусь и Армения выбрали евразийскую интеграцию.

Главный вывод, который можно сделать из информационной войны периода позднего СССР – страна оказалась незащищенной и дезорганизованной. Поэтому декабрьские события 1991 года бывший советский народ воспринял как естественный ход политического развития некогда могущественного государства.

Трансформация политического сознания советского общества, происходившая наиболее активно в 1985–1991 гг., была вызвана в большой степени с помощью средств информационной борьбы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон, Пери. Размышления о западном марксизме / Пери Андерсон. – М., 1991. – С. 3–271.
2. Буховец, О.Г. Советское цивилизационное наследие [Электронный ресурс] / О.Г. Буховец // Россия в многообразии цивилизаций. – М., 2011. – С. 532–552. – Режим доступа: <https://www.ieras.ru/pub/monografii/Russia>. – Дата доступа: 01.02.2015.
3. Кара-Мурза, С.Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до краха / С.Г. Кара-Мурза. – Харьков, 2007. – С. 3–768.
4. Киран, Роджер. Продавшие социализм. Теневая экономика в СССР / Роджер Киран, Кенни Томас. – М., 2009. – С. 3–307.
5. Новик, Е.К. История Беларуси / Е.К. Новик. – Минск, 2010. – С. 3–526.
6. Попова, А.Д. Процесс реформ эпохи Перестройки и общественное сознание российского общества / А.Д. Попова // The soviet and post-soviet review. – 2014. – № 41. – С. 261–280.
7. Франк, С.Л. Этика нигилизма / С.Л. Франк // Вехи. Интеллигенция в России. – М., 1991. – С. 153–184.

Поступила 14.10.2015

THE ROLE OF INFORMATION FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF THE POLITICAL CONSCIOUSNESS OF SOVIET SOCIETY

A. GAISHUN

In work the role of mass media in transformation of political consciousness of the Soviet society during the critical period of the history USSR – in the eighties the XX centuries is analyzed. The technology of implementation of the "molecular theory" of Poremsky, which became a basis of information war against the countries of the Warsaw Pact is described. It is noted, that means of information fight and now are the main for destabilization of society in the concrete country.

Keywords: transformation of political consciousness; information war; "the molecular theory"; extremism.